

– Госпожа моя, – возразил Сафредан, – в их числе есть и такие, которых вы почитаете благороднейшими женщинами нашей страны.

– Поверьте, – сказал Иркан, – что женщина хитрая сумеет прожить и там, где все остальные будут умирать с голоду.

– Но когда хитрость ее разоблачена, – заметила Лонгарина, – для нее это равносильно смерти.

– Нет, это их жизнь, – сказал Симонто, – потому что таким женщинам очень льстит, когда их считают хитрее других. И, прослав хитрыми за счет своих подруг, они привлекают этим к себе больше кавалеров, чем иные своей красотой. Ибо хитросплетенная любовная интрига – величайшее наслаждение для мужчины.

– Вы говорите о любви порочной, – сказала Эннасюита, – когда любовь благородна, никакое притворство вообще не нужно.

– Прошу вас, – сказал Дагусен, – не забивайте себе голову такими мыслями. Чем дороже товар, тем меньше его надо выставлять напоказ. Надо ведь всегда помнить о ялом умысле тех, кто обо всем судит только по внешности, которая бывает обманчивой, ибо она точно такая же у любви достойной и целомудренной, как и у всякой другой. Вот почему любовь нашу всегда приходится скрывать – не только тогда, когда она порочна, но даже тогда, когда она добродетельна, – нельзя ведь давать повод для дурных толков тем, кто неспособен поверить, что мужчина может любить женщину чистой любовью. Им кажется, что коль скоро наслаждение имеет власть над ними, то каждый мужчина должен быть таким, как они сами. Но если бы у всех нас были чистые помыслы, не приходилось бы скрывать ни взглядов наших, ни слов, во всяком случае перед теми, кто готов скорее умереть, чем подумать что-либо дурное.

– Знаете что, Дагусен, – сказал Иркан, – это такие высокие материи, что, ручаюсь вам, ни один из нас не поймет подобных доводов и не проникнется ими. Вы хотите чтобы мы поверили тому, что люди не то ангелы, не то камни, не то сами дьяволы.

– Я хорошо знаю, что мужчины остаются мужчинами – ответил Дагусен, – и что они подвержены всяким страстям. Но есть среди них и такие, которые предпочтут умереть, нежели заставить свою даму поступать против совести ради своей услады.

– Ну, умереть – это уже слишком, – сказал Жебюрон. – Этому я не поверю, даже если услышу такие слова из уст самого праведного монаха.

– А я вот думаю, – сказал Иркан, – что нет среди монахов ни одного, кто не хотел бы обратного. Во всяком случае, все они делают вид, что не любят винограда, когда этот виноград висит так высоко, что им до него не дотянуться.

– Но, должно быть, жена этого князя была очень довольна, – сказала Номерфида, – что муж ее узнал, на что бывают способны женщины.

– Уверяю вас, что нет, – возразила Эннасюита, – напротив: она ведь любила его и была этим очень удручена.

– А мне вот по душе одна женщина, которая смеялась, когда ее муж целовался со служанкой, – вставил Сафредан.

– Ну так расскажите нам о ней, – сказала Эннасюита, – я уступаю вам место.

– История эта коротка, – сказал Сафредан, – но я все же расскажу вам ее, потому что мне приятнее рассмешить вас, чем утомлять длинными разговорами.

Новелла пятьдесят четвертая

Жена Тогаса, считавшая, что муж отдает ей всю свою любовь, соглашалась на то, чтобы он развлекался со служанкой, и только смеялась, когда он целовал эту служанку у нее на глазах.

Между Пиренеями и Альпами жил некий дворянин по имени Тогас, у которого была жена, дети, очень хороший дом и столько богатств и радостей, что он мог бы быть всем доволен, если бы не страдал от сильных головных болей. Боли эти были так мучительны, что врачи посоветовали ему спать отдельно от жены, на что та очень охотно согласилась, ибо паче всего пеклась о жизни и здоровье мужа. И она велела перенести свою кровать в противоположный угол комнаты, как